

Золотой век балета, похоже, уходит. Тот самый, когда мы в данной области впереди планеты всей. А главное — когда балерин носят на руках не партнеры, а поклонники. Берут и несут по жизни этих небесных созданий в пачках и венчиках на аккуратных старомодных прическах. Но... среди молодых есть кандидаты, для которых руки фанатов всегда наготове. Кандидаты не из Большого, а в основном из Мариинки. Одна из них — Юлия МАХАЛИНА — совсем недавно приезжала в Москву танцевать "Жизель". В Театре им. Станиславского и Немировича-Данченко ее подждал корр. "МК".

БАЛЕТНИКА БАЛЕРИНА ЛЮБИТ МАМУ, РОДИНУ И ВАСИЛЬКИ

Мгновение назад ее Жизель-видение истаяла на сцене невесомой, печальной грезой. А сейчас восхитительно-радостная, под отдаленный рокот аплодисментов все еще шумящего зала, Юлия МАХАЛИНА, прима-балерина Мариинского театра, оживает перед дверью гримерной. Взметнувшееся облако снежно-белой пачки, полетный, балеринский облик, сияющая улыбка. Шепот поклонников и цветы, цветы, цветы.

"Юля! Юля! Юля!" — всплеск в стане поклонников. В ответ: "Спасибо, спасибо, спасибо. Мы только соберемся, и тогда, хорошо?"

В этот же вечер, сразу из Театра Станиславского и Немировича-Данченко, где она выступила в "Жизели", — на вокзал, на "Стрелу", и в Петербург, а через день — на самолет и в Австрию на гастроли.

"Она — принцесса, настоящая принцесса... — перешепот среди поклонников, — чудо, а какая красивая! Ей нужен принц, ее нужно снимать в кино. Ей надо было играть в кинофильме Павлову. Спешивать!"

Уже в обыкновенном голубом платье, худенькая, балетной, выворотной походкой Махалина пробежала с букетом цветов и маленькой книжечкой в руках в гримерную к графу Альберту — танцовщику Виктору Дикку, ее партнеру по спектаклю. "Надо же, это она ему на память о спектакле!" — зашушукалась группа товарищей.

И вот наконец гримерная. Все собрано, равнодушные зеркала отражают хрупкий, высокий силуэт балерины.

— Сегодня я ужасно волновалась. Приехала впритык, а мне хотелось бы заранее, чтобы пообщаться с труппой. Вообще, "Жизель" для меня всегда трудный спектакль, здесь все идет изнутри. Любые, самые сложные движения классического танца можно повторять множество раз, но как повторить душу? Как все пережить заново? Если получается, то большое счастье. Сегодня, мне кажется, мне много удалось. Хотя всегда после спектакля говорю себе: "Вот здесь могла бы лучше и там..."

— Жизель сходит с ума и умирает, не пережив обмана возлюбленного?

— Мне кажется, Жизель не понимает, что сходит с ума. Это очень важно — во всяком случае, для меня. Наоборот, она борется за эту жизнь, впрочем, как и все мы, правда?

— Что для вас значит борьба?

— Это моя жизнь. Я постоянно борюсь. Со своими ошибками, комплексами. Знаете, это гениальное явление — борьба. Потому что иначе можно было бы успокоиться, наслаждаться жизнью и ничего не делать. Борьба — это движение.

— И как давно началась ваша борьба?

— Мне кажется, в животе у мамы, я уже там начала.

Тем девочкам, которые рвутся в балет, я желаю не обольщаться какими-то красотоми, богатыми моментами балеринской карьеры. Богатыми в смысле удобства. Не надо искать удобства — надо искать неудобства. Я считаю, что все препятствия, которые мне были даны, — это награда. Когда ты выдержишь свой путь, свое творчество, когда ты все это вымучил, то твой успех настоящий, он сверкает истинным светом.

— В училище вас родители привели или вы их себя заставили привести?

— Заставила судьба. Было много обстоятельств, способствовавших этому событию. Когда я пришла в училище, то так получилось, что я попала к необыкновенному педагогу Ирине Леонидовне Баженовой. Она была молода и, наверное, не успела реализовать свои творческие способности, поэто-

му все свои силы направила на меня. Она меня просто рожала, открыла многие танцевальные секреты, о которых впоследствии мне никто не говорил. Повезло, когда пришла в театр: под свою опеку меня взяла Ольга Николаевна Моисеева, она до сих пор рядом со мной.

— На сцене балерины производят впечатление нереальных, таинственных созданий...

— Это обязательно, так должно быть...

— А в жизни, скажите, вам приходится ходить в магазин, покупать продукты?

— Нет, никогда продукты не покупала, все, что касается быта, это делают за меня мои родные.

— А готовит кто?

— Мама. Час-

сто спрашивают: "У вас есть талисман?" Мой талисман — это моя

мама, она всегда рядом со мной. Ее зовут Анна. Анна на шее. Но это я у нее на шее, а не она у меня.

Анна Михайловна, все интервью тихо, бесшумно просидевшая в уголке гримерной, прервала молчание: "Для меня это такая радость заботиться о дочери!"

— А животные у вас дома есть?

— Да. У нас потрясающая норвежская кошка, ее зовут Сюзя. Кстати, когда в Париже на конкурсе я получила Гран-при, то она получила свой Гран-при на выставке в Зимнем дворце. Это правда. Она старалась, я тоже. У нее громадный хвост и умные глаза. Она никогда не навязывается себя. Если ей не положишь покушать, будет ждать до тех пор, пока ты сам не поймешь, что ее пора кормить.

— Как вы отметили победу в Париже, как отметили Гран-при?

— Что такое Гран-при?.. Когда мне было тринадцать лет, я получила на экзамене по классике три с плюсом. Пришла домой. Мама в слезы: "Юлечка, у тебя же была четверка с плюсом". Я говорю ей: "Мам, знаешь, сейчас такой трудный, переходный период, но ты не волнуйся, выпускать-

ся я буду с пятеркой". Я это говорю к тому, что если хочу завоевать награды, то только для того, чтобы защитить себя от внешнего мира. На самом деле мне никакие награды не нужны. Есть творчество, я танцую, и если мой танец кого-то трогает... Когда я впервые танцевала Медору в балете "Корсар", то после спектакля получила письмо от одного человека. Его зовут Вениамин, он безрукий и безногий. Он написал мне: "Я буду жить очень долго, потому что видел, как вы танцевали". Вот это потрясение. А награды... мы же все люди. И у нас много врагов, и, если у тебя есть награды, они защищают, как стена.

— Как вы скрываетесь от внешнего мира?

— Когда особенно трудно, люблю залезть куда-нибудь в угол и побыть одна. Люблю слушать музыку, особенно современную. Сейчас просто без ума от мелодии "Я всегда буду любить тебя" из "Титаника". Такая изысканная, красивая. Когда-то я восхищалась Барброй Стрейзанд, сейчас мой кумир Селин Дион. Мечтаю о хореографическом номере на эту мелодию. Отдыхать? Неважно где, важно, чтобы рядом были люди, с которыми легко, которые меня понимают. Вообще, я чувствую, что сейчас

нахожусь в каком-то переломном моменте своей жизни... может быть, это возраст наступает... неделю назад мне исполнилось тридцать лет.

— Наша жизнь за последнее время сильно изменилась, она предлагает много соблазнов. Вы идете по улице, а из витрин на вас смотрят дорогие меха, изысканные драгоценности, наряды от кутюр...

— Это здорово...

— У вас сердце не замирает, когда вы видите эту роскошь?

Как занавес, падает долгая пауза.

— Знаете, когда у меня сердце замирает и останавливается? Когда возвращаюсь я в Россию после очередных долгих, трудных гастролей. Уставшая, энергии — ноль. И вот вижу наши березки, домики. Потом приезжаю домой, мама мне: "Юленька, что тебе, какое блюдо приготовить, что ты, доченька, хочешь?" Вот тут сердце замирает и останавливается от счастья. Потому что самое прекрасное — это когда есть куда возвращаться, когда ты знаешь, что тебя ждут.

В присутствии этой Жизели заранее затовленный вопрос о сексе оказался неуместным. Наивная она, или наигрывает? — подумал я. Как все артистки, которые больше представляют, чем открывают себя. А может быть Махалина истинный белый лебедь в балетной стае.

Всю нашу беседу мы простояли: я — с диктофоном в руках, прима-балерина Махалина — с маленьким букетиком синих васильков.

— Ваши любимые цветы?

— Васильки. Мы ехали из аэропорта в Москву на машине, и, когда остановились на светофоре, нам предложили вот этот букет. А еще, мне кажется, мы счастливые люди, потому что переходим в третье тысячелетие, мы рождены, чтобы ощутить этот миг перехода из одного времени в другое. Поэтому такие необычные, особенные. Но я боюсь, что я опоздаю на поезд. Лучше я приеду еще раз и все расскажу поподробнее...

— Когда? Когда? — закричали поклонники.

— Не знаю, зовите, и я приеду...

Около служебного выхода мы расцеловались, и она исчезла за непроницаемыми стеклами огромного "Линкольна", в котором Дмитрий Брянцев, глава балета Станиславского-Данченко, увозил ее на вокзал. Просто как у Вертинского: "...в пролеты улиц вас умчал авто..."

Восторженные поклонники помчались к метро, чтобы успеть на вокзал и там еще немного побыть со своей обаятельной Жизелью.

Владимир КОТЫХОВ.
Фото Нины АЛОВЕРТ
и Валентина БАРАНОВСКОГО.

Махалина Юля

29.07.98

Махалина Юля - 1998.
29 июля - с.б.